

исследовательница подчеркивает, что «доклад Шпета оказался по сути лишь повтором правогебельянской критики Белинского А. Волынским и “декадентского” страха запачкать и затупить драгоценный инструментарий фи-

лософии, коснувшись жизненных отношений» (с. 196).

⁴ Подробнее см.: *Тихонова Е.Ю.* Человек без маски: В.Г. Белинский. Грани творчества. С. 224–241.

Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка / Сост. Л.Г. Захарова, С.В. Мироненко, Т. Эммонс. М.: РОССПЭН, 2008. 879 с.

29–30 сентября 2004 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова состоялась международная конференция, посвященная столетию со дня рождения выдающегося отечественного историка, профессора Петра Андреевича Зайончковского, 35 лет преподававшего на историческом факультете МГУ (1948–1983 гг.)¹. Рецензируемый сборник, изданный по материалам этой конференции – значимое явление в современной историографии. Пожалуй, это один из наиболее содержательных «фестшрифтов», изданных в честь и в память русских историков XX в.² Его составителями стали ученики покойного профессора Л.Г. Захарова, С.В. Мироненко, Т. Эммонс, придерживающиеся классических традиций данного жанра, сложившихся в отечественной науке.

Как и большинство изданий подобного типа, данный сборник включает персоналогические материалы (воспоминания учеников и коллег, историографические статьи о некоторых направлениях научных поисков ученого), публикацию неизвестных еще его рукописей, исследования по истории России XVIII–XX вв., источниковедению и библиографии, прямо или опосредованно связанные с изучавшейся им тематикой (правительственный аппарат и внутренняя политика самодержавия в XIX в., судьбы государственных и общественных деятелей, подготовка и проведение крестьянской реформы, социально-экономические отношения пореформенного периода, военные реформы и офицерский корпус Русской армии второй половины XIX – начала XX в., справочники по истории дореволюционной России). В качестве приложений в книге помещены краткий перечень основных трудов Зайончковского и работ о нем³; а также, что очень важно, список монографий и наиболее важных статей его учеников – библиографический абрис созданной им научной (научно-педагогической) школы⁴.

В сборнике впервые публикуются письма Зайончковского к Ю.Г. Оксману и Л.Р. Горланову (с. 96–120) и незавершенная работа «К вопросу завоевания Средней Азии», написанная, по-видимому, на рубеже 1940-х и 1950-х гг.

(с. 36–95). Осенью 1965 г. Зайончковский на несколько дней передал ее машинописный текст своему американскому стажеру В. Бруксу, прозрачно намекая, что было бы желательно снять с нее копию. В своем предисловии к публикации, символически озаглавленном «Не только завоевание Средней Азии», Брукс рассуждает «о природе советской историографии» и отмечает, что сосредоточившись на геополитических мотивах продвижения России в Туркестан и неявно полемизируя с официальной точкой зрения, сводившей все к экономическим факторам, Зайончковский, тем самым, обратился к «более широкому и более проблематичному вопросу о причинах и природе российского империализма» (с. 30–35).

Пока сделаны только первые шаги на пути к объективной аналитической реконструкции исследовательской программы научной школы П.А. Зайончковского – тех идей и подходов, которые развивались в его работах и служили их основанием, не получив, однако, по понятным причинам необходимой концептуализации⁵. В частности, О.В. Большаковой, Л.Г. Захаровой, С.В. Мироненко, Л.Ф. Писарьковой и рядом других авторов были высказаны важные соображения о характере «позитивизма» Зайончковского и о его «позитивистской вере в источник», об отрицательном отношении ученого к «идеологизации» исторической науки, о понимании им роли личности в истории, о влиянии на него взглядов Ю.В. Готье – и шире – концепций «государственной школы», о том значении, которое Зайончковский придавал изучению политической истории Российской империи и ее учреждений.

Персоналогическая тематика представлена в сборнике, прежде всего, в разделах «Выступления на пленарном заседании юбилейной конференции» (речи Ю.С. Кукушкина, С.В. Мироненко, Б.В. Ананьича и Л.Г. Захаровой) и «Вспоминая Петра Андреевича», где собраны воспоминания покойных Л.Р. Горланова, В.И. Канатова и А.П. Серцовой, а также Л.В. Беловинского, И.Л. Волгина, Н.В. Зейфман, Г.Д. Карпова, З.И. Перегудовой, А.П. Шевырева и А.Д. Яновского о том, что означали в их жизни встречи с Зайончковским, общение

с ним, учеба и работа под его руководством, духовный и нравственный строй личности профессора, проявленная им забота о судьбах учеников. «Это была старая университетская школа, — пишет Беловинский, — которой давно нет, которой не было уже и в 1960-х гг. Это был реликт настоящей школы российских императорских университетов» (с. 124). Неудивительно, что он порою придерживался позиций, по меньшей мере не характерных для советских исследователей. Как свидетельствует тот же Беловинский, «Петр Андреевич был убежден, что нельзя быть русским историком, не зная всего обихода Русской Православной Церкви» (с. 126). По словам Волгина, «он, как некогда Карамзин, спасал Отечество от *нашествия завбения*» (с. 135).

Особый интерес представляют мемуары ближайшего друга Зайончковского С.С. Гудкова и его сына Б.С. Гудкова, далеких по своей профессиональной деятельности от мира исторической науки (отец — инженер-строитель, сын — химик). Будущий биограф историка обязательно обратится к ним при изучении трансформации его мировосприятия. В 1978–1979 гг. С.С. Гудков вспоминал о том, как в конце 1930-х гг. он вновь встретил своего друга молодости, в 1920-х гг. придерживавшегося «крайне левых взглядов, согласно которым часть человечества подлежала истреблению ради жизни прогрессивно и революционно мыслящей части». С Зайончковским, который, несмотря на свое дворянское происхождение, ранее «не мог равнодушно видеть где-либо на улице человека, прилично одетого, в шляпе и при галстучке или в инженерской фуражке, или священника в рясе», к этому времени «произошла разительная метаморфоза, с ним уже тогда начался процесс обратного превращения, который не закончился и по сей день». «Ныне, — с добродушной иронией (и не без доли преувеличения) констатировал в конце 1970-х гг. Гудков, — это Петр Андреевич Зайончковский, доктор исторических наук, профессор Московского университета, автор многотомных трудов по истории, семидесятичетырехлетний старец, оппозиционно настроенный ко всему происходящему в стране, фанатически прилежный и глубоко религиозный посетитель церкви, аккуратно совершающий все религиозные обряды и гордящийся тем, что у него общий духовник с Солженицыным, ныне высланным за границу» (с. 136–138).

Личность ученого освещают и некоторые статьи, помещенные в завершающем сборник разделе «Источниковедение, историография, библиографии». Так, А.К. Афанасьев отметил вклад Зайончковского в изучение русской мемуаристики, Г.А. Главатских рассказала о под-

готовке указателя «Справочники по истории дореволюционной России», Т. Эммонс о том, как учениками Зайончковского был реализован поистине грандиозный замысел учителя — создать аннотированный библиографический указатель дневников и воспоминаний русских эмигрантов XX в.

Открывающая раздел «Власть, идеология, общество в императорской России» статья Л.Ф. Писарьковой суммирует результаты ее многолетнего исследования процессов формирования российской бюрократии в XVII–XVIII вв. Основные этапы становления и развития обер-прокуратуры Святейшего Синода и ее влияние на характер церковно-государственных отношений в XVIII — первой половине XIX в. рассмотрены А.Ю. Полуновым. А.Н. Долгих проследил ход обсуждения в Непременном совете в 1801–1802 гг. проекта указа о запрещении продажи крестьян и дворовых людей без земли, внесенного по распоряжению Александра I, отклоненного в мае 1801 г. большинством членов Совета, затем в марте 1802 г. одобренного Советом (состав которого к тому времени заметно изменился), но так и не утвержденного императором. Исследователь приходит к выводу, что Александр I, встретив в 1801 г. сопротивление со стороны высших сановников, сам охладил к данной мере, реально ограничивавшей права помещиков. Крестьянской реформе в Курляндии, где эмансипация крестьян не затрагивала интересы русского дворянства, посвящена статья Т. Судзуки (Япония).

Статья М.М. Шевченко «С.С. Уваров в борьбе за внутренний курс политики России в 1826–1832 гг.» принадлежит к тем пока еще немногочисленным исследованиям политики Николая I, в которых понимание ее самодержавной природы, исключавшей возвращение к либерализму начала столетия, неразрывно соединяется с признанием того, что, по словам А.С. Пушкина, «правительство у нас единственный европеец». Отметив, «что зайти в типик либеральная политика может и не столько из-за сопротивления консерваторов, сколько по причине собственной несостоятельности», Шевченко указывает на разочарование Уварова в политических идеалах александровского царствования и подробно анализирует его записки по политическим, правовым и экономическим вопросам, составленные во второй половине 1820-х — начале 1830-х гг.

Деятельность С.С. Уварова на посту попечителя Петербургского учебного округа в 1810–1821 гг. освещена в статье А.Ю. Андреева. «В рамках «голицынского министерства» — утверждает исследователь, — ему удалось, казалось бы, невозможное: при распространявшемся неприятии немецких университе-

тов, доходившем до отрицания пользы университетов для России вообще, Уваров сумел дать жизнь новому Петербургскому университету, открытому в 1819 г. на базе существовавшего с 1816 г. Главного педагогического института. Более того, занимаясь организацией университета в российской столице, Уваров попытался провести в нем некоторые принципы, воплощенные при создании Берлинского университета и отражающие идеи “немецкого классического университета”, сформулированные выдающимся немецким государственным и общественным деятелем Вильгельмом фон Гумбольдтом» (с. 284). При этом автор статьи критически оценивает состояние российских университетов во второй половине 1810–1820-х гг. и итоги реализации университетского устава 1804 г. Здесь неявно присутствует тот же тезис, который звучит и в статье Шевченко: либеральная политика заходит в тупик по причине собственной несостоятельности. Пристальное внимание к процессу возникновения этоса университетской науки – одна из отличительных черт статьи Ф.А. Петрова «Формирование системы университетского образования в России в первой половине XIX в.», как бы обобщающей основные положения его фундаментальной 5-томной монографии⁶.

Л.Г. Захарова в статье «Александр II и место России в мире» очертила основные этапы и направления политики императора на всем протяжении его царствования. Различные аспекты управления западными окраинами империи в XIX в. показаны в исследованиях Л.Е. Горизонтова, А.А. Загорнова (Беларусь), А.А. Комзоловой. Работы Х. Вады (Япония), Б.С. Итенберга и А.В. Мамонова посвящены анализу программы гр. М.Т. Лорис-Меликова. «Особенности теоретической позиции “Вестника Европы”» в 1870–1880-х гг. подробно раскрываются В.А. Китаевым, по мнению которого, «историческая справедливость требует поставить “Вестник Европы” в самое начало истории социального либерализма в России» (с. 548–549). В статьях Г.М. Кропоткина и Ф.А. Гайды описываются взаимоотношения и взаимовосприятие радикально-либеральной оппозиции (кадетов) и правящей бюрократии в 1905–1907 и 1911–1917 гг.

В интереснейшей статье М.Д. Долбилова концептуально поставлена значимая для понимания русского самодержавия и проводимого им политического курса проблема взаимодействия представлений об идеальной «царской воле» как «чистой», изначальной субстанции верховной власти» с реальным процессом принятия императором политических решений, которые «конфигурировались ожиданиями и запросами приближенной к нему высшей бю-

рократии». Чрезвычайно важен тезис автора, что «традиционный политико-правовой подход, фиксирующий внимание на отсутствии юридических ограничений императорской власти, уводит в сторону от осмысления этого феномена» (с. 404). В этом контексте представляет интерес и анализ Е.Л. Стаферовой либерального стиля управления, практиковавшегося А.В. Головиным в бытность его министром народного просвещения. Р. Уортман (США) выявляет в своей статье символические проекции поведения императора и его приближенных в лубочных изданиях середины XIX в. и в празднествах по случаю 1000-летия России. Н. Киценко (США) рассматривает ценностные смыслы и символические проекции национальных и православно-имперских традиций в русской церковной архитектуре за границей.

Естественно, в книге, посвященной памяти П.А. Зайончковского, особое внимание уделено социально-экономическим преобразованиям, обусловленным крестьянской реформой 1861 г. Статьей, касающихся данной тематики немного, но в них раскрываются такие ключевые проблемы, как методика изучения реализации реформы 19 февраля 1861 г. (С.Г. Кащенко), эволюция политики в отношении крестьянства и споры в правительственных сферах и в обществе о путях развития русской деревни в 1860–1870-х гг. (И.А. Христофоров), имущественные отношения в крестьянской семье на рубеже XIX–XX вв. (В.А. Федоров), выработка юридических норм, определявших правовое положение крестьян в пореформенную эпоху, процесс кодификации обычного права и его соотношения с правом гражданским (Х. Йосида, Япония), инфраструктурная реконструкция деревни в годы столыпинской реформы и Первой мировой войны (Т.М. Китанина). Об эволюции экономического курса правительства в пореформенное время пишет В.Л. Степанов, анализирующий соотношение либеральных тенденций и установок на государственное регулирование народного хозяйства во второй половине 1850-х – первой половине 1870-х гг. Создание рабочей инспекции и ее деятельность в 1882–1905 гг. показаны А.Ю. Володиным в контексте межведомственных конфликтов Министерства финансов и МВД. Общественное самоуправление в малых провинциальных городах России на рубеже XIX–XX вв. характеризуется А.А. Зайцевой на материалах Дмитрова и Сергиева Посада.

Весьма представительен раздел «Воины империи: от Отечественной и Первой мировой», где собраны работы О.Р. Айрапетова, Н.Н. Ауровой, Д. Байрау (Германия), В.М. Безотосного, Р. Баумана (США), Б. Меннинга (США), Д. Схиммельпэннинка ван дер Ойе

(Канада). Тематика их разнообразна и в целом соответствует кругу научных интересов Зайончковского, который на протяжении всей своей исследовательской деятельности уделял истории Русской армии самое пристальное внимание (именно ей посвящались его первая и последняя, оставшаяся незаконченной, монографии). Несколько особняком стоит, пожалуй, лишь содержательная статья О.В. Будницкого о зарубежных заимках России в годы Первой мировой войны. В разделе «Источниковедение, историография, библиография» органично смотрятся исследования М.В. Сидоровой и М.А. Волхонского, также относящиеся к одной из излюбленных тем Зайончковского – изучению воспоминаний русских государственных деятелей (в частности, мемуаров А.Х. Бенкендорфа и М.А. Таубе).

Таково содержание этого замечательного сборника, отразившего и завершенность образом Зайончковского, сохраняющуюся в среде его ближайших учеников (завершенность, неизбежно творящую биографический миф⁷), и существующее далеко не только в рамках созданной им школы отношение к его трудам как к одной из важнейших предпосылок современного видения социально-политической истории России XIX – начала XX в. В целом, эта книга – не только еще одно выражение памяти о Зайончковском и признательности ему, но и свидетельство плодотворного развития идей и исследовательских подходов его школы, неисчерпанности ее творческого потенциала. Сегодня есть основания говорить об этой школе не только как о научно-педагогической (это является общепризнанным), но и как о собственно научной школе, «школе» проблемного типа. Во всяком случае, неоспоримо, что выдвинутая Зайончковским исследовательская программа (пусть и не получившая в его работах целостного концептуального выражения, невозможного при тех ограничениях, которые диктовались условиями времени) была в той или иной форме воспринята не только его университетскими учениками и слушателями, но и более широким кругом историков. Сохраняет эта программа свою научную значимость и в наши дни, несмотря на все, произошедшее в науке в последние десятилетия.

К сожалению, в сборнике отсутствует столь желательный в этом издании цикл статей на тему «П.А. Зайончковский и отечественная историческая наука второй половины XX – начала XXI в.». Содержащиеся в отдельных статьях соображения и суждения на этот счет

не могут все же заменить целостного анализа. Остается лишь надеяться на то, что подобные работы еще появятся в будущем. Время же для создания подробной, безусловно необходимой научной биографии историка придет, очевидно, только тогда, когда будет открыт его архив.

И.Л. Бельский
(Институт научной информации по общественным наукам РАН)

Примечания

¹ Отчет о конференции см.: Отечественная история. 2005. № 5. С. 210–215.

² По материалам аналогичной конференции, прошедшей на историческом факультете МГУ 29–30 сентября 1994 г. в связи с 90-летием со дня рождения ученого, Л.Г. Захарова, Ю.С. Кукушкин и Т. Эммонс подготовили сборник «П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем» (М., 1998). Ранее под редакцией Л.Г. Захаровой, Дж. Бушнелла и Б. Эклофа вышел в свет с посвящением Зайончковскому том исследований американских и русских историков об эпохе реформ Александра II. См.: Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992.

³ Подробную библиографию см.: Петр Андреевич Зайончковский: Библиографический указатель / Под ред. Л.Г. Захаровой. Изд. 2, перераб. и доп. М., 1995.

⁴ См. также список кандидатских и докторских диссертаций учеников П.А. Зайончковского: Там же. С. 45–62.

⁵ См.: Захарова Л.Г. Зайончковский Петр Андреевич (1904–1983) // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 755; Мамонов А.В. П.А. Зайончковский и его Школа в Московском университете // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2005. № 1. С. 85–93; Яновский А.Д. Традиции научной школы П.А. Зайончковского в Государственном Историческом музее // П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.)... С. 162–166.

⁶ См.: Петров Ф.Ф. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1–2. М., 2002; Т. 3. М., 2003; Т. 4. Ч. 1–2. М., 2003.

⁷ Видимо, это характерно вообще для фestsрифта, посвященного памяти выдающегося ученого. Он всегда одновременно и зеркало, и медиатор биографического мифа о нем.